

ГЛАЗАМИ ИНДОЛОГА

Институт востоковедения РАН выпустил книгу **Петра Шаститко «Век ушел»** (М., 2009). В работе, которая в значительной степени носит мемуарный характер, автор рассказывает о пути российского востоковедения в минувшем столетии, о коллегах-индологах, о взлетах и падениях в своей жизни и научной карьере. Его коллеги, словно в зеркале, отразили драмы и радости, которые довелось пережить многим российским ученым, прошедшим войну. Эти люди долгое время верили в социалистические идеалы и, даже испытав на себе гнев высокого партийного руководства, не озлобились, а продолжали упорно, фанатически вести исследовательскую работу, которая стала смыслом их существования.

Название книги символическое. Ушел век, ушел и сам автор (П.М.Шаститко скончался в июне 2009 г.). Правда, ему довелось взять в руки свое детище. Наверное, это поддержало Петра Михайловича в самые последние дни перед кончиной. Впрочем, как мне кажется, это был такой человек, который не нуждался ни в поддержке, ни в утешении, а сам других поддерживал.

Хотя мы учились в одном институте - Московском институте востоковедения (МИВ), я долго не решался с ним познакомиться. Да и как могло быть иначе, если для нас, вчерашних школьников, Шаститко был легендой.

Помню, весь институт собирался на эпохальные баскетбольные матчи между «индийцами» и «арабами». Шаститко, хоть и инвалид, всегда стоял у края площадки и болел за своих, «индийцев».

А мы перешептывались между собой: фронтовик, а случись у китаиста ли, индолога ли конфликт с деканом, всегда готов придти на выручку студенту. Такая была у него репутация.

Много лет спустя, когда работал в газете, пришлось консультироваться с ним, довелось пару раз взять интервью. Про войну он рассказал всего один эпизод - про то, как попал в рейхстаг на третий день после взятия Берлина. Здание внутри еще дымилось. Гвардии старшина, как и другие солдаты, куском угля запечатлел на стене свое имя: «Я в Берлине. Ура. Петр Шаститко».

Читатель узнает и о том, что довелось испытать автору на пути к Берлину. Кажется, столько уже сказано о войне. Но глава «Навсегда в памяти» (с. 201-205) позволяет взглянуть, например, на Курскую битву глазами простого солдата, умеющего, как выяснилось много лет спустя, рассказать о пережитом удивительно чистым и образным языком.

После дембеля Шаститко должен был решить, что делать в мирной жизни. Он поступил в МИВ. «Меня привлекло индийское отделение. В основе

моего интереса лежало не знание этой колонии Британии, не киплингская романтика страны чудес, а, если можно так сказать, нагульновский наивный экстремизм. В 1947 году Индия добилась независимости. В ней шла острая политическая борьба, и мне казалось, что опыт социалистического строительства в СССР (в которое я искренне верил) будет необходим индийскому народу», - так объяснил автор свой выбор специальности (с. 217-218).

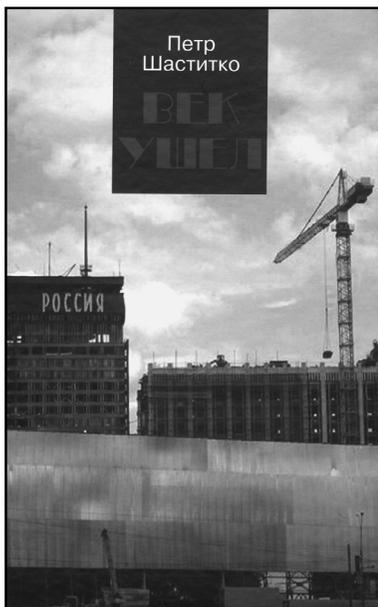
Профессорско-преподавательский состав МИВа был неровным. Наряду с учеными первой величины были и откровенно слабые преподаватели. На кафедре индийских языков не было ни одного доцента или профессора, вспоминает Шаститко. Наиболее сильными были преподаватели китайского и арабского отделений. Китайский язык преподавали профессор Илья Ошанин, доцент Николай Коротков, блестящий практик Борис Исаенко, историю Китая - Григорий Войтинский, в прошлом консультант Чан Кайши, зав. отделом Исполкома Коминтерна. Арабский язык преподавали профессор Харлампий Баранов и доцент Клавдия Оде-Васильева, родившаяся в Палестине. Кафедрой турецкого языка заведовал академик Владимир Гордлевский (с. 220).

Институт успешно наследовал традиции созданного в годы гражданской войны Института им. Нариманова, где готовились кадры практических работников государства и диктатуры пролетариата и где преподавание настойчиво идеологизировалось.

Студенту-фронтовику пришлось стать свидетелем крикливой кампании борьбы с космополитизмом. Эта кампания нанесла урон и Институту востоковедения. Его были вынуждены покинуть блестящие беспартийные востоковеды с «нетипично русскими фамилиями» - член-корр. АН Е.Бартельс, проф. А.Губер, академик Гордлевский.

«Научная жизнь в стране не просто была ключом. Она фонтанировала. Но тогда мы не понимали, что иногда это был грязевой фонтан», - пишет автор. В 1950 г. Сталин затеял дискуссию по языкознанию. Она нанесла удар и по МИВу. В октябре 1950 г. состоялась дискуссия о положении в индологии, в которой с докладом выступил доцент МИВа Георгий Шмидт. Партию Индийский национальный конгресс он рассматривал как блок английской империалистической буржуазии с индийскими компрадорами и помещиками, которым в 1947 г. была передана власть для сохранения колониального господства. М.К.Ганди и Дж.Неру Шмидт считал ставленниками колонизаторов.

Главным оппонентом Шмидта был профессор

А.М.Дьяков, полагавший, что Индия встала на путь интенсивного капиталистического развития, которое сдерживают пути колониализма. Национальный конгресс, сумевший возглавить борьбу Индии против колониализма, является прогрессивной партией, а его лидеры выражают мнение антиколониальных сил.

Шмидт написал в ЦК ВКП(б) письмо, где обвинил оппонентов в приверженности меньшевистской теории. Шмидта поддержали его студенты, Дьякова - видные ученые. ЦК свое отношение к диспуту не определил, но предложил зачислить Шмидта в штат Института востоковедения АН.

Для студентов польза дискуссии состояла в том, что они услышали полемику между крупнейшими востоковедами. «О себе скажу честно, что разобраться в проблеме не смог, и идея скорой пролетарской революции в Индии мне импонировала больше», - признается автор. Не казался нелепым и факт обращения ученых не в Президиум АН, а в высший партийный орган. К этой противоестественности приучили предыдущие дискуссии типа пресловутой «лысенковской» (с. 225).

«Мы были действующими лицами грандиозного театра абсурда... Но понять этого мне тогда не было дано», - пишет Шаститко.

И все-таки, несмотря на жесткий партийный контроль, несмотря на окружавшую советских людей Большую ложь, институт готовил специалистов, сумевших добиться больших успехов в разных сферах науки и культуры, политической практики. Среди них академики - Е.М.Примаков, будущий премьер-министр России, В.С.Мясников, Н.А.Симония, член-корреспондент РАН, послы, журналисты-международники.

Тем не менее, Совет министров СССР принял 1 июля 1954 г. постановление о закрытии МИВа - единственного в стране профильного востоковедного вуза. Шаститко в соавторстве с Н.К.Чарыевой в отдельной главе подробно анализирует историю этого решения, нанесшего вред делу подготовки специалистов по Востоку. Неразумность его видна даже из того факта, что судьбу МИВа обсуждали ответственные сотрудники ЦК, но ни один из них не пошел так далеко, чтобы предложить закрыть институт.

В деятельности вуза в годы после смерти Сталина возникли серьезные сбои. Созрело противоречие: стране требовались востоковеды, а институт готовил невостребованных практическими организациями специалистов. Был еще один важный фактор: прием студентов в институт проводился на общих основаниях, а при распределении выпускники с «неблагополучными анкетами» испытывали трудности. В результате в 1953 г. из 220 выпускников не получили работу 57 человек (с. 48).

Н.С.Хрущев поручил разобраться чиновнику из ЦК. В главе, посвященной этому эпизоду, приводятся выдержки из переписки между должностными лицами разных ведомств. Но документы из фондов архива Совмина остались для авторов главы недоступными. Авторы предполагают, что решить судьбу МИВа могли Хрущев или Г.М.Маленков.

Стоило уйти в мир иной Сталину, и обстановка в стране изменилась. Не только руководители вуза, но и ряд видных ученых осмелились направить руководителям государства письма, где доказывали, что принятое решение было неправильным. И только два года спустя, на XX съезде КПСС А.И.Микоян по существу признал ошибку.

Шаститко, к счастью, закончил МИВ до этих событий. Вся дальнейшая его судьба была связана с Институтом востоковедения Академии наук. Но прежде чем стать одним из ведущих его сотрудников, защитить докторскую диссертацию, ему пришлось немало намучаться. Гвардии старшина запаса сохранил оставшуюся с войны привычку резать правду-матку в глаза. И после разоблачения культа Сталина не придумал ничего лучшего, как на партсобрании обвинить его соратников в причастности к преступлениям вождя. Расправа не заставила себя ждать. Исключили из партии, отчислили из аспирантуры.

В райкоме кару смягчили. Благодаря директору ИВАНА Бободжану Гафуровичу Гафурову ему удалось вернуться в институт (с. 257).

Как отмечает в предисловии доктор исторических наук Леонид Алаев, Шаститко, проработавший в институте до конца жизни, занимался исследованиями истории Индии, отношений России со странами Востока, а также теорией национального вопроса.

Первой книгой ученого об Индии стала вышедшая в 1967 г. работа «Нана Сахиб (Рассказ о народном восстании 1857-1859 гг. в Индии)».

Еще один яркий эпизод из истории Индии отражен в книге, написанной вместе с В.В.Выхухоловым - «Тальвар» поднимает флаг. Рассказ о восстании бомбейских моряков в 1946 г.» (1982). Это событие было мифологизировано в советских работах. Легенда трактовала его как чуть ли не восстание индийского флота против колонизаторов, как индийский вариант «Броненосца Потемкина».

Авторы установили, что «Тальваром» называлось военно-морское училище связи на берегу. Курсанты - сигнальщики и телеграфисты подняли забастовку против плохого питания, которая переросла в бунт под освободительными лозунгами. Это был мужественный поступок. Но серьезной опасности для британской власти он не представлял.

Петр Михайлович изучал и положение индийцев в Южной Африке, где начал свою политическую деятельность М.К.Ганди. Результатом исследований стала книга «Сто лет бесправия (Положение индийцев в Южно-Африканском Союзе. 1860-1960 гг.)».

В 1978 г. П.М.Шаститко назначили заведующим отделом историко-культурных связей СССР со странами зарубежного Востока (с. 317). Над этими проблемами он работал до конца жизни. Результатом стало, в частности, двухтомное издание сборника архивных документов «Русско-индийские отношения». (Руководители П.М.Шаститко и Т.Н.Загородникова).

А в своей последней книге он уделит большое внимание истории советской ориенталистики, рассказал о своих учителях и коллегах: Игоре Рейснере, Владимире Балабушевиче, Алексее Дьякове, Алексее Левковском, о первом директоре Издательства восточной литературы Олеге Дрейере.

«Уходит мое поколение, родившееся между революцией и Большим террором, бумажные солдатики Второй мировой, «дети страшных лет России» (А.Блок). Его поэты, певцы, ученые, инженеры, клоуны... Вечная им благодарность. Как странно: вчера сверстники-современники, сегодня память», - говорится в эпилоге к книге.

Эти строки теперь можно отнести и к автору воспоминаний выдающемуся российскому индологу Петру Шаститко.

В.А. СКОСЫРЕВ

РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСЛА О ДИПЛОМАТИИ

Ситуация на Ближнем Востоке и перипетии арабо-израильского конфликта всегда находились в центре внимания специалистов-международников. Немало книг и статей на эту тему написано нашими востоковедами, израильскими, американскими и западно-европейскими учеными. Однако среди этих книг мало оригинальных и серьезных исследований арабских и особенно палестинских авторов, для которых положение на Ближнем Востоке является далеко не абстрактной темой.

В этой связи нельзя не обратить внимание на книгу *Афифа Сафие*, бывшего посла Палестины в Москве, «**О палестинской дипломатии**», изданной в начале 2009 г. издательством «Круг» на русском языке при содействии Дипломатической академии МИД России (150 с.).

В эту небольшую книгу вошли лекции А.Сафие в Лондоне - в Королевском институте оборонных исследований и Королевском институте международных отношений, в других научных центрах, его выступления на траурных церемониях по случаю смерти палестинского лидера Ясира Арафата и известного палестинского интеллектуала Эдварда Саида. В эту книгу включен

и доклад А.Сафие на вечере в Дипакадемии МИД России в ноябре 2008 г., посвященном Международному дню солидарности с народом Палестины.

Где бы ни выступал А.Сафие, он всегда говорил о Палестине, о проблемах палестинского народа, палестино-израильских переговорах и тех сознательно создаваемых израильскими трудностями, мешающих достижению мира и стабильности на Ближнем Востоке. Автор, входивший в ближайшее окружение Я.Арафата и представлявший Организацию освобождения Палестины (ООП) в Лондоне и Вашингтоне, принимал активное участие в выработке позиций палестинских делегаций на переговорах с Израилем. Он приводит в своих выступлениях ряд любопытных факторов, связанных с оценкой ситуации на Ближнем Востоке.

Например, весьма любопытна его оценка исчезновения Советского Союза с политической карты мира. Реакция США и Израиля на развал СССР, по словам посла, привела к утрате «врага» и послужила толчком для зарождения альтернативной глобальной опасности - исламской угрозы (с. 31). Красноречиво и его высказывание об Израиле: «...изра-

ильское лобби не страдает от «раздвоения личности». Когда в редких случаях президент США случайно расходится во мнении с израильским премьер-министром, это лобби берет сторону...не американского президента. Оба Буша - и отец, и сын - испытали это на себе за менее чем десятилетие» (с. 38).

И последнее, имеющее, пожалуй, актуальное значение в связи с подготовкой Московской конференции по Ближнему Востоку. «Мир на Ближнем Востоке, - пишет А.Сафие, - слишком важен, чтобы позволить только одному Израилю решать этот вопрос. Недостатком мирного процесса можно считать то, что его решение было опущено до «местного уровня». Это создало у Израиля иллюзию, что только он может диктовать условия и определять пределы возможного и допустимого, задавать темп движения мирного процесса. А нам остается вести переговоры на фоне такого «давящего на нас баланса сил» (с. 120).

Книга А.Сафие, написанная свидетелем борьбы палестинского народа за суверенитет, найдет своих заинтересованных читателей как в России, так и за рубежом.

О.Г. ПЕРЕСЫПКИН

АФГАНСКИЙ УЗЕЛ

События, описанные в монографии *Н.И.Козырева* «**Роль дипломатии в разблокировании «афганского узла»: от «Женевы-88» до наших дней**», изданной Институтом актуальных международных проблем (ИАМП) Дипломатической академии МИД РФ (М., Восток-Запад, 2009. 208 с.), относятся к одному из наиболее драматических периодов в истории Афганистана.

Гражданская война, усугубленная 10-летним иностранным военным присутствием, превратила эту страну в очаг нестабильности и терроризма, которым он продолжает оставаться и по сей день. Актуальность рассматриваемой проблемы состоит в том, что она непосредственно затрагивает интересы современной России, равно как и основных игроков, втянутых в афганские дела, особенно после оккупации Афганистана в результате операции международных коалиционных сил против режима талибов.

Важность исследования состоит в том, что в нем подробно рассматривается и анализируется роль дипломатии в политическом урегулировании положения вокруг Афганистана, показано преимущество политических средств над военными методами

разрешения кризисов. Автор, используя богатый практический и исследовательский материал, весьма обстоятельно проиллюстрировал весь женевский переговорный процесс, впервые показал плюсы и минусы достигнутых договоренностей, их значение для судьбы Афганистана.

Несомненный интерес представляет попытка автора перебросить мостик от событий 20-летней давности к сегодняшнему дню Афганистана, когда он вновь оккупирован иностранными войсками и где снова идет гражданская война. Н.И.Козырев делает обоснованный вывод о том, что уроки «Женевы» не были учтены теми силами, которые стремятся сегодня утвердить свое монопольное право распоряжаться судьбами других народов и навязывать им свою модель демократии.

Пагубность опоры на военную силу в ущерб дипломатии достаточно полно отражена в той части работы, которая относится к нынешней ситуации в Афганистане.

Достоверность научных результатов и обоснованность теоретических положений и выводов достигается за счет использования в работе большого